
W
62
1015

М. А. КРОЛЬ.

БРАЧНОЕ ПРАВО

ИНОРОДЦЕВЪ СЕЛЕНГИНСКАГО ОКРУГА.

ИРКУТСКЪ.
Типо-литографія П. И. Макушина, Ивановская пл., д. Сукачева.
1895.

(Извлечено изъ „Извѣстій“ Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1894 годъ.)

БРАЧНОЕ ПРАВО

ИНОРОДЦЕВЪ СЕЛЕНГИНСКАГО ОКРУГА.

Сообщено 31 января 1895 года въ годовомъ собраніи Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Монголо-Ойратскіе законы 1640 года[1]) содержатъ чрезвычайно подробное перечисленіе условій заключенія брака у монгольскихъ племенъ. Согласно этимъ условіямъ выкупъ или калымъ является основой ихъ брака; размѣры же калыма опредѣляются соотвѣтственно тому, къ какому сословію принадлежитъ лицо, желающее пріобрѣсти себѣ жену.

Нѣтъ основанія полагать, что сосѣдніе и родственные ойратскимъ племенамъ монголо-буряты практиковали въ XVII вѣкѣ иную форму брака, и если Словцовъ[2]) впадаетъ въ ошибку, утверждая, что въ моментъ завоеванія Сибири русскими *всѣ* инородцы, населявшіе ее, платили за жену вѣно, то относительно забайкальскихъ бурятъ его сообщеніе обладаетъ самой полной достовѣрностью, такъ какъ оно подтверждается оффиціальнымъ документомъ.

На основаніи инструкціи, данной 30-го іюня 1723 г. графомъ Саввой Владиславичемъ пограничнымъ дозорщикамъ, предоставляется иновѣрцамъ „въ малыхъ дѣлахъ, яко-то: *въ калымѣ* малыя ссоры, въ воровствѣ скота, побояхъ“ и пр. „судиться своими начальниками и разводить таковыя ссоры посредственно.“...

Такъ было въ началѣ XVIII вѣка.

[1]) Монголо-Ойратскіе законы 1640 г. Переводъ К. Ѳ. Голстунскаго.

[2]) Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири, стр. 87-я.

Сибирь была завоевана и покорена, потокъ русской культуры проникъ во всѣ углы ея, видоизмѣняя или уничтожая древній обычай и древній укладъ жизни инородцевъ вездѣ, гдѣ послѣдніе расходились съ ея тенденціями,—но покупной бракъ (пріобрѣтеніе жены посредствомъ калыма) устоялъ у многихъ сибирскихъ инородцевъ, въ томъ числѣ и у Селенгинскихъ, сквозь вѣка русскаго владычества. Какъ и въ XVII и XVIII в.в., у всѣхъ инородцевъ Селенгинскаго округа, безъ исключенія, калымъ или вѣно составляетъ и теперь непремѣнное условіе при заключеніи брака.

Нѣтъ сомнѣнія, что даже прочный, вѣками удерживающійся, покупной бракъ, претерпѣлъ у бурятъ за послѣднія два столѣтія большія измѣненія, ибо, какъ мы это увидимъ ниже, сила обязательности калыма и смыслъ его стали далеко уже не тѣ, что раньше, однако, какъ институтъ инородческаго права, бракъ посредствомъ калыма существуетъ у бурятъ и понынѣ, наиболѣе разработанный жизненной практикой, наиболѣе соотвѣтствующій духу разлагающейся уже родовой ихъ организаціи.

Но, изслѣдуя брачное право бурятъ, какъ самостоятельный институтъ, мы не можемъ ограничиться однимъ признакомъ его—калымомъ, ибо этотъ признакъ самъ по себѣ еще не въ состояніи охарактеризовать важнаго и глубоко интереснаго для этнографа и антрополога брака у патріархальныхъ монголо-бурятскихъ племенъ. Мы считаемъ необходимымъ указать еще на другое условіе бурятскаго брака—экзогамію.

По Макъ-Ленану[1]) экзогамія была въ извѣстную эпоху древности почти всеобщей (въ Китаѣ, Сибири, Южной Америкѣ, Австраліи, Индіи, Татаріи и т. д.). Если вмѣстѣ съ нимъ опредѣлять экзогамію, какъ запрещеніе браковъ между членами одной группы (horde), то мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что у бурятъ Селен-

[1]) Жиро-Телонъ. Происхожденіе семьи, стр. 45-я.

гинскаго округа экзогамія такое же обязательное условіе при бракѣ, какъ и калымъ. Ни одинъ бурятъ, по обычаю, не долженъ жениться на женщинѣ своего племени, своей „кости“, (ясу)[1]).

Въ жизни, правда, встрѣчаются отступленія, и нѣкоторыя племена допускаютъ браки между родственниками, если отъ общаго родоначальника жениха и невѣсты прошло больше 9 и даже 7 поколѣній, но свѣдующими почетными стариками такіе браки осуждаются, какъ противорѣчащіе старинному обычаю.

Изъ того, что калымъ и экзогамія суть два обязательныхъ аттрибута бурятскаго брака, можно было бы уже a priori заключить, что покупному браку у селенгинскихъ инородцевъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ долженъ былъ предшествовать бракъ насильственнымъ похищеніемъ мужчиной жены изъ чужаго племени. Въ самомъ дѣлѣ, исторія монголовъ полна описаній непрестанныхъ кровопролитныхъ войнъ между отдѣльными племенами. Буряты въ этомъ отношеніи нисколько не отличались отъ другихъ монгольскихъ племенъ[2]). Какимъ же инымъ образомъ могъ себѣ бурятъ пріобрѣтать жену изъ враждебнаго племени, какъ не похищеніемъ ея? Такая апріорная гипотеза могла бы уже дать право искать въ современныхъ обычаяхъ и свадебныхъ обрядахъ бурятъ слѣдовъ исчезнувшаго брака „умыканіемъ“ невѣсты, но простая этнографическая справка дѣлаетъ излишними всѣ гипотезы. До сихъ поръ у нѣкоторыхъ монгольскихъ племенъ сохранился еще обычай похищать невѣсту изъ чужаго племени[3]), а у другихъ слѣды вышедшаго изъ употребленія обычая такъ свѣжи, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ существовалъ. У Монголовъ до

[1]) Мы употребляемъ слово „кость“, а не родъ потому, что эти понятія не всегда совпадаютъ у бурятъ. Родъ представляетъ въ настоящее время скорѣе административную единицу, причемъ нѣкоторые роды селенгинскихъ бурятъ (какъ Цонгольскій, Харанутскій, Табунугутскій и др.), въ свою очередь, дѣлятся на племена, и только лицамъ одного племени запрещается вступать между собою въ бракъ.

[2]) Риттеръ. Землевѣдѣніе Азіи, т. V, стр. 140.

[3]) Letourneau. La Sociologie d'aprés l'ethnographie, p. 341.

сихъ поръ въ день свадьбы продѣлывается со всѣми подробностями обрядъ похищенія невѣсты изъ родительской юрты. „На зарѣ женихъ посылаетъ въ домъ своего будущаго тестя большое число своихъ друзей за невѣстой; *родители* и подруги невѣсты сначала будто сильно противятся этому, но наконецъ соглашаются и невѣсту увозятъ“[1]).

У селенгинскихъ бурятъ также повсемѣстно распространенъ обрядъ насильственнаго увоза невѣсты изъ родительской юрты въ день свадьбы. Разница наблюдается лишь въ подробностяхъ. У бурятъ вѣдомства Кударинской Степной Думы сохранилось еще воспоминаніе, что женихъ являлся къ будущему своему тестю на „наданъ“— вечеръ, устраиваемый обыкновенно отцомъ невѣсты наканунѣ свадьбы, съ лукомъ и стрѣлой (у монголовъ женихъ до сихъ поръ является на „наданъ“ вооруженнымъ). На другой день, т. е. въ день свадьбы, невѣсту выносятъ насильно изъ родительской юрты, несмотря на плачъ и рыданья ея и ея подругъ, старающихся оказать возможно сильное сопротивленіе лицамъ, пришедшимъ за невѣстой, затѣмъ послѣднюю усаживаютъ обязательно на осѣдланнаго коня и увозятъ къ жениху.

Наиболѣе простъ и безсодержателенъ этотъ обрядъ у закаменскихъ бурятъ, гдѣ онъ, очевидно, близокъ къ исчезновенію.

Такимъ образомъ бракъ у бурятъ состоялъ и состоитъ теперь изъ двухъ совершенно самостоятельныхъ моментовъ: юридическаго и религіозно-обрядоваго. Первый наступалъ въ тотъ самый день, когда между сторонами жениха и невѣсты заключалось условіе о калымѣ, или, лучше, договоръ купли-продажи. Женихъ и невѣста при этомъ являлись лицами пассивными, такъ какъ до недавняго времени у нихъ не спрашивали согласія на вступленіе въ бракъ. Активное участіе въ составленіи сдѣлки принимали, по древнему

---

[1]) Гюкъ и Габэ. Путешествіе черезъ Монголію въ Тибетъ, стр. 127.

обычаю, отцы жениха и невѣсты или родные ихъ. Отецъ жениха покупалъ для своего безвольнаго сына жену и работницу, а отецъ невѣсты, въ свою очередь, продавалъ имѣющуюся у него женщину. Дочь для него была не больше, какъ извѣстная мѣновая стоимость, которой онъ дорожилъ, имѣя въ виду ея сравнительно высокую цѣнность. Поэтому сватовство нисколько не отличалось отъ торга любой вещи или скотины. Хотя въ современной бурятской семьѣ не сохранилось и намека на страшную въ первобытной патріархальной семьѣ власть родителей надъ дѣтьми, власть, предоставлявшую римскому paterfamilias право жизни и смерти надъ своими домочадцами, тѣмъ не менѣе potestas отца въ бурятской семьѣ еще въ періодъ кодификаціи обычнаго права сибирскихъ инородцевъ была настолько сильна, что онъ могъ распоряжаться дочерми, какъ обыкновеннымъ имуществомъ. Иначе нельзя объяснить повсемѣстно распространеннаго у бурятъ въ старину обычая отдавать взрослыхъ дочерей замужъ за малолѣтнихъ мальчиковъ[1]) (отъ 5—10 лѣтъ) и многихъ другихъ постановленій ихъ права, изложеннаго въ составленномъ ими степномъ положеніи 1823 г.

Глубоко благоговѣйное отношеніе монголо-бурята къ своему очагу, его страстная мечта, чтобы родъ его во вѣкъ не прекратился, ни-

[1]) Интересно было бы знать, на почвѣ какихъ отношеній могъ возникнуть подобный обычай. Мы не думаемъ, чтобы основной его причиной явилось снохачество. Во первыхъ, буряты съ большимъ отвращеніемъ относятся къ этому явленію, во вторыхъ, у бурятъ не было условій для развитія снохачества въ виду того, что каждый болѣе или менѣе бодрый старикъ, недовольный своей состарившейся женой, могъ всегда жениться на молодой женщинѣ или дѣвушкѣ. Нѣкоторые буряты объясняютъ этотъ оригинальный обычай существованіемъ до 1853 г. многочисленнаго класса ламъ, которымъ было запрещено вступать въ бракъ. Фиктивные браки малолѣтнихъ мальчиковъ со взрослыми дѣвушками доставляли будто-бы ламамъ возможность пользоваться супружескимъ счастіемъ, не нарушая формально обѣта безбрачія. Послѣ же 1853 г., т. е. послѣ введенія Положенія о ламайскомъ духовенствѣ, когда не штатные ламы de jure получили возможность жениться, обычай этотъ сталъ выходить изъ употребленія. Это объясненіе намъ кажется слишкомъ натянутымъ. Быть можетъ бывали и такіе случаи, но, по нашему, центръ тяжести указаннаго обычая лежитъ не здѣсь. Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе другихъ, объясняющихъ обычай женить малолѣтнихъ мальчиковъ на взрослыхъ дѣвушкахъ экономическими соображеніями: съ женитьбой сына въ домѣ прибавлялась молодая, полная силъ работница.

сколько, значитъ, не мѣшали ему смотрѣть на женщину, производительницу столь дорогого для него потомства, не болѣе какъ на товаръ, обмѣниваемый на нѣсколько головъ скота.

Сватовство начинается всегда со стороны жениха или отцомъ его, или кѣмъ-нибудь постороннимъ. Родные жениха или какой нибудь почетный родовичъ отправляется къ отцу невѣсты и наводитъ справку, согласенъ ли онъ отдать свою дочь за предполагаемаго жениха. Если отецъ и родные невѣсты согласны отдать (вѣрнѣе—*продать*) ее и если по наведеннымъ ламой—астрологомъ (цзурухайчи) справкамъ, годы рожденія жениха и невѣсты благопріятны ихъ браку, то назначается день для заключенія окончательныхъ условій. Въ этотъ день къ отцу невѣсты съѣзжаются приглашенные гости, родные и знакомые, пріѣзжаетъ отецъ жениха съ женихомъ и своими родными, обыкновенно съ подарками и „хадаками", и тутъ же условливаются насчетъ калыма. Условіе заключается устно[1]), представителя ни отъ духовенства, ни отъ начальства не требуется. Гарантіей договора служитъ публичность его заключенія. Послѣ переговоровъ устраивается пиръ—это и есть „тахиль табиху". Чаще всего отецъ жениха тутъ же даетъ задатокъ калыма; остальная часть его должна быть доставлена полностью до свадьбы. Таково по крайней мѣрѣ обыкновеніе у большинства бурятъ вѣдомства Селенгинской Степной Думы. У кудринскихъ бурятъ женихъ нерѣдко остается неоплатнымъ должникомъ тестя, ибо размѣры обѣщаемаго у нихъ калыма громадны (минимальный калымъ составляетъ 15 головъ скота и 150 р. деньгами), и женихъ, при всемъ своемъ желаніи, не въ состояніи выполнить своего обязательства.

Съ заключеніемъ договора о калымѣ во время „тахиль табиху", можно сказать, начинается юридическое существованіе брака у

[1]) У монголовъ условіе о калымѣ составляется письменно. Говорятъ: „Я для своего сына *купилъ* дочь такого-то", или: „*мы продали* свою дочь *такой-то фамиліи*". Гюкъ и Габэ. Путешествіе черезъ Монголію въ Тибетъ. Стр. 127.

бурятъ. Но, какъ мы уже говорили, брачный союзъ нуждается еще въ обрядово-религіозной санкціи, которая состоитъ въ воспроизведеніи сцены насильственнаго увоза невѣсты и разныхъ молитвахъ и обрядахъ религіознаго характера, какъ напр. бросаніе жира въ огонь, брызганіе вина (у шаманистовъ).

Замѣчательно, что у бурятъ-буддистовъ ламы себя совершенно устранили отъ участія въ юридической сдѣлкѣ. Ихъ роль ограничивается во время сватовства, какъ мы уже упоминали, только опредѣленіемъ по книгамъ, ждетъ-ли жениха и невѣсту счастливая жизнь. За то участіе ихъ во время свадьбы чрезвычайно важное и дѣятельное. Кажется, ни одинъ шагъ не можетъ тогда быть сдѣланъ безъ указанія ламы. Лама опредѣляетъ часъ увоза невѣсты изъ родительской юрты, масть лошади, на которую должно усадить невѣсту, человѣка, который выноситъ ее изъ юрты, человѣка, который долженъ ее усадить на коня и т. д.

У Кударинскихъ бурятъ свадьба совершается безъ всякаго участія духовнаго лица: тамъ вѣнчаетъ и благословляетъ новобрачныхъ не шаманъ (не крещенные кударинскіе буряты всѣ шаманисты), а такъ называемый „Цаңлыйнъ убугунъ“—почетный старикъ, распорядитель свадьбы.

Промежутокъ между „тахиль табиху“ и свадьбой можетъ быть различный по желанію и условію сторонъ. Иногда свадьба откладывается на два, три и даже пять лѣтъ, при чемъ, достойный вниманія фактъ, невѣста все время обязана избѣгать встрѣчи съ женихомъ, его отцомъ и его старшими родными.

Если юридическое существованіе брака начинается съ момента заключенія условія о калымѣ, то ясно, что съ этого-же момента должны возникнуть и особенныя отношенія между женихомъ и невѣстой и ихъ родными. Посмотримъ-же какія обязательства налагаетъ на договорившіяся стороны заключенная брачная сдѣлка.

Чтобы лучше уразумѣть самый духъ брачнаго права бурятъ и характеръ, который оно постепенно пріобрѣтало въ теченіи текущаго столѣтія, мы будемъ при дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи придерживаться системы сравненія брачнаго права, какъ оно разработано степнымъ положеніемъ 1823 г., съ современными воззрѣніями бурятъ на бракъ.

По степному положенію 1823 г. уже „просватанье" налагаетъ извѣстное наказаніе на отца невѣсты, нарушившаго свое слово и отдавшаго свою просватанную дочь за другого.

„Буде кто просватанную дочь, наруша слово, выдастъ въ замужество за другого, то онъ повиненъ взятый у перваго калымъ возвратить съ приплодомъ, а за нарушеніе условія взыскать съ отца невѣсты одну лошадь или одного быка и отдать въ пользу общества того рода"[1] (§ 43), т. е. нарушеніе отцомъ невѣсты своего слова считается одновременно и частнымъ и общественнымъ правонарушеніемъ.

„Буде чья-либо дочь, уже просватанная, выйдетъ безъ вѣдома отца и матери за другого, то сей послѣдній долженъ заплатить отцу и матери одну лошадь, одного быка, одну корову съ теленкомъ, одну овцу съ ягненкомъ и козу съ козленкомъ, а если дѣвка снесла съ собою кромѣ убора и одного платья еще что-либо другое, то взявшій ее въ замужество долженъ обратить; равномѣрно, онъ-же долженъ платить перво-сосватавшему понесенные во время дѣлаемыхъ свадебныхъ угощеній убытки, а отецъ дѣвки, если бралъ въ калымъ скотъ, то сколько-бы не прошло лѣтъ, долженъ возвратить въ томъ количествѣ, въ какомъ онъ получилъ, но съ прибавленіемъ только вмѣсто приплода по три скотины на каждый десятокъ, т. е. на десять головъ коннаго табуна или рогатаго скота отъ одного до трехъ лѣтъ трехъ скотинъ тѣхъ-же родовъ; а на

[1]) Самоквасовъ. Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, стр. 43 и 44.

десять барановъ или козловъ по три головы таковыхъ-же барановъ и козловъ, а подарокъ, данный жениху, т. е. нарѣченному прежде зятю, получить обратно не слѣдуетъ" (§ 44).

Въ данномъ случаѣ уходъ просватанной дѣвушки къ другому влечетъ за собой установленіе трехъ новыхъ правоотношеній. 1) Тотъ, за кого вышла просватанная дѣвушка, долженъ возмѣстить убытки перваго жениха, 2) онъ-же долженъ внести отцу невѣсты извѣстный эквивалентъ за взятую имъ дѣвушку и 3) отецъ убѣжавшей къ другому невѣсты, невольно оказываясь нарушителемъ договора съ первымъ женихомъ (т. е. съ его отцомъ), обязанъ возстановить его въ прежнемъ имуществѣ, полученномъ въ видѣ калыма, съ прибавленіемъ неустойки по три головы скота съ десятка.

Весьма интересно, что поводомъ къ полному уничтоженію прежняго договора и возникновенію совершенно новыхъ обязательствъ послужилъ фактъ, который при покупномъ бракѣ не долженъ былъ-бы имѣть никакого значенія. Стоило просватанной дѣвушкѣ не захотѣть выйти за перваго жениха и уйти къ другому, даже безъ вѣдома родителей, какъ тотчасъ-же столь крѣпко существовавшій съ первымъ женихомъ договоръ разрушался и создавались новыя правоотношенія. Какъ объяснить такое обстоятельство?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, разсмотримъ еще § 45 степнаго положенія.

„Буде не просватанная дѣвка самопроизвольно выйдетъ въ замужество, то тотъ, который ее взялъ, долженъ заплатить отцу и матери, какъ сказано выше сего, въ параграфѣ 44, восемь головъ разнаго скота, а буде она унесла, кромѣ одного платья и убора, то оное обратить; впрочемъ, если отецъ и мать похотятъ наградить чѣмъ-либо дочь, то сіе остается на волѣ ихъ".

Очевидно смыслъ этого § столь-же категориченъ, какъ и § 44. Дѣвка самовольно выходитъ въ замужество, и мужъ ея обязанъ

уплатить отцу ея калымъ въ размѣрѣ восьми головъ скота. Никакого другого права за отцемъ невѣсты не признается, кромѣ права требовать вознагражденія за взятую дочь. Онъ, правда, можетъ оставить у дочери захваченныя ею лишнія вещи или отобрать ихъ, но его власть надъ ней самой какъ будто падаетъ съ того самаго момента, какъ она ушла „въ замужество". Въ случаѣ, предусмотрѣнномъ въ § 44, передъ этой удивительной властью мужчины, къ которому ушла просватанная дѣвушка безъ вѣдома родителей, отступаютъ и первый женихъ, и отецъ ея. Наконецъ, даже при обстоятельствахъ, описанныхъ въ § 43, право жениха, пріобрѣтенное въ силу составленнаго по всѣмъ правиламъ договора, оказывается безсильнымъ передъ властью незаконно-вторгнувшагося втораго жениха (мужа). Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что другое лицо, виновное въ нарушеніи договора, а именно отецъ невѣсты, подвергается за свой проступокъ опредѣленному обычаемъ наказанію (§ 43).

Ясно, что причина, столь разрушительно дѣйствующая на установившіяся послѣ „тахилъ табиху" юридическія обязательства между родными жениха и невѣсты, лежитъ не въ волѣ дѣвушки, ушедшей къ другому, ибо за ней эта воля нисколько не признавалась раньше, а въ чемъ-то иномъ, неразрывно связанномъ съ фактомъ ухода дѣвушки къ мужчинѣ. По нашему мнѣнію, подавляющая власть второго жениха (мужа) надъ пришедшей къ нему дѣвушкой пріобрѣтается имъ по праву фактическаго обладанія ею, и первый женихъ потому безсиленъ передъ вторымъ, что въ то время какъ онъ (первый женихъ) имѣлъ только отвлеченное право на невѣсту, мужъ обладалъ уже ею реально. Этой именно идеей, присущей міросозерцанію первобытныхъ народовъ, намъ кажется, проникнуты цитированные нами §§. Недоумѣніе является только относительно того, почему и право отца, несомнѣнно реальнаго собственника своей

дочери, теряетъ свою силу предъ властью мужа. Впрочемъ, современная юридическая практика бурятъ предоставляетъ отцу возможность вытребовать самовольно ушедшую отъ него дочь силою, черезъ родовое начальство. Но обыкновенно отецъ своимъ правомъ не пользуется и большею частью, въ случаѣ убѣга дѣвушки къ кому-либо, дѣло между отцомъ ея и мужемъ кончается миролюбивой сдѣлкой. По воззрѣнію большинства бурятъ Селенгинскаго округа даже неприлично и не должно требовать дочь обратно, разъ она уже живетъ у мужчины. Тѣмъ не менѣе, безъ положительнаго согласія родителей убѣжавшей невѣсты, ламы рѣдко вѣнчаютъ. Только у цонголовъ и закаменскихъ бурятъ ламы иногда благословляютъ новобрачныхъ, даже если родные убѣжавшей дѣвушки своего согласія на то не дали.

Размѣры калыма, въ случаѣ самопроизвольнаго ухода въ замужество не просватанной дѣвушки, устанавливаются въ настоящее время по обоюдному согласію сторонъ. У кударинскихъ бурятъ при этомъ наступаютъ довольно оригинальныя послѣдствія. Если родные бѣжавшей согласны помириться съ ней, то дѣло кончается обыкновеннымъ порядкомъ; если же они своего согласія на бракъ дочери не даютъ, то происходитъ слѣдующее. Начинаются приготовленія къ свадьбѣ и женихова сторона посылаетъ къ роднымъ невѣсты посла приглашать ихъ на торжество; тѣ, конечно, не ѣдутъ и, озлобленные, отнимаютъ у посла коня, на которомъ онъ пріѣхалъ. Бѣдному исполнителю щекотливаго порученія приходится удалиться изъ стойбища родныхъ невѣсты пѣшкомъ. Зная напередъ, что онъ лишится коня, посолъ обыкновенно пріѣзжаетъ на самой несчастной клячѣ; кляча эта у него отбирается, и онъ удаляется пѣшкомъ до ближайшаго улуса, гдѣ его уже ждетъ заранѣе приготовленный имъ осѣдланный конь. Послѣ этого всѣ обязательства жениха по отношенію къ роднымъ невѣсты прекращаются.

Не мало измѣненій внесла также жизненная практика во взгляды селенгинскихъ инородцевъ на обязанности, возникающія для заключившихъ брачную сдѣлку сторонъ и при обстоятельствахъ, охарактеризованныхъ §§ 43 и 44.

Прежде всего случаи нарушенія отцомъ невѣсты своего слова теперь почти не встрѣчаются; также рѣдки случаи убѣга просватанной дѣвушки къ другому, ибо разъ дѣвушку безъ ея согласія замужъ не отдаютъ (а теперь вездѣ спрашиваютъ у молодыхъ людей и дѣвушекъ согласія на вступленіе въ бракъ), то стимулъ къ самовольному уходу отпадаетъ самъ собою. Но если такой фактъ все-таки находитъ себѣ мѣсто, то онъ въ большинствѣ случаевъ влечетъ за собой установленіе только двухъ новыхъ правоотношеній. 1) Отецъ невѣсты обязанъ возвратить первому жениху калымъ и вознаградить его за понесенные имъ во время „свадебныхъ угощеній" (просватанья) убытки. 2) Второй женихъ долженъ уплатить отцу невѣсты калымъ. Между первымъ же женихомъ и вторымъ никакихъ обязательствъ не возникаетъ. Только у кударинскихъ бурятъ второй женихъ до сихъ поръ обязанъ дать первому въ возмѣщеніи убытковъ коня съ сѣдломъ и уздой. У тѣхъ же бурятъ отецъ невѣсты можетъ заставить втораго жениха (мужа) отработывать за калымъ, если онъ бѣденъ, но срокъ работы не долженъ превышать года.

Такимъ образомъ можно сказать, что почти всѣ юридическія отношенія, предусмотрѣнныя §§ 43, 44 и 45, значительно измѣнили свой характеръ, за исключеніемъ права первого жениха, которое и теперь такъ же абстрактно и безсильно, какъ и во время составленія степнаго положенія 1823 г. Лишь когда женихъ освящаетъ свое отвлеченное право актомъ, свидѣтельствующимъ о реальномъ его обладаніи невѣстой (а въ этомъ именно и заключается обрядъ насильственнаго увоза невѣсты изъ родительской юрты къ

жениху), его власть надъ нею становится неоспоримой и исключительной.

Къ разбору правъ мужа на жену въ бурятской семьѣ мы теперь и перейдемъ.

И тутъ мы начнемъ съ того, какъ опредѣляло отношенія мужа къ женѣ и родителей къ замужней дочери степное положеніе 1823 г.

„Если жена по недоброжелательству къ мужу начнетъ имѣть съ нимъ несогласіе и раздоръ, и поводомъ тѣмъ, сдѣлаетъ отъ мужа утечку, то отецъ и мать ея должны, не держа нисколько, обратить къ мужу, съ приличнымъ внушеніемъ и наставленіемъ къ согласному и мирному впредь житью“ (§ 50).

Право мужа, значитъ, оказывается подавляющимъ. Жена стала его собственностью, и родители обязаны немедленно возвратить свою дочь ея хозяину-мужу. Когда же родители убѣжавшей жены почему-либо не отошлютъ ее обратно, то мужъ ея можетъ возстать противъ нихъ со всей силой пріобрѣтенной имъ уже владѣніемъ власти и съ помощью инородческаго начальства и ламъ заставить вернуть себѣ свою собственность[1]). Эта убѣжавшая отъ него женщина его, она для него куплена, онъ ею владѣлъ, кто же можетъ ее у него оспаривать? И онъ требуетъ ее обратно, и жена ему возвращается. Если жена убѣжитъ вторично, ближайшіе родственники обѣихъ сторонъ „общими приличными внушеніями и убѣжденіями склонятъ ее къ дружелюбному житію“, и она будетъ снова возвращена мужу. Если она оставитъ мужа въ третій разъ и къ тому еще окажется, что ее подстрекалъ къ побѣгу кто-либо другой, то ее возвращаютъ въ третій разъ къ мужу, наказавъ и ее и подстрекателя лозами. Здѣсь предѣльная грань власти мужа: четвертый побѣгъ жены уничтожаетъ обаяніе его власти, и здравый народный

[1]) На самомъ дѣлѣ не мужъ является истцомъ, а отецъ его, такъ какъ покупалъ невѣсту послѣдній; мы лишь для краткости употребляемъ слово мужъ, имѣя всегда въ виду, что договоръ о бракѣ заключается между родителями жениха и невѣсты.

обычай разводить супруговъ „во избѣжаніе могущихъ быть отъ подобнаго тому худыхъ и непріятныхъ послѣдствій“, причемъ жена съ одной хорошей одеждою, уборомъ, бурханомъ, конемъ, отпускается къ отцу и матери или ближайшимъ родственникамъ; съ послѣднихъ же въ пользу мужа взыскивается „анза“, т. е. положенная часть калыма (§ 51).

„Если при возвращеніи женки къ отцу сей послѣдній не будетъ въ состояніи заплатить 35 или $17^1/_2$ головъ калыма (§ 53), то обязанъ отдать въ число калыма лошадь и слѣдующее, при ней, а остальныя, если она не будетъ за другаго просватана, заплатить въ теченіи двухъ годовъ по половинной части“ (§ 55).

„Если въ теченіи двухъ годовъ не будутъ свататься къ ней и отецъ оной вовсе не въ состояніи заплатить калыма, то прежній мужъ, отцы и матери обѣихъ сторонъ со старшинами, съ общаго согласія, должны продать ту женку кому-либо желающему и тѣмъ выручить слѣдующій калымъ“ (§ 56).

Послѣдній параграфъ въ высшей степени характеренъ. Въ немъ воззрѣніе бурятъ на женщину, какъ на вещь, находитъ самое полное и рѣзкое выраженіе. Разведенная жена „съ общаго согласія“ продается съ аукціона по случаю несостоятельности первоначальнаго ея собственника — отца. Такъ оно и должно было быть въ древности и такъ смотрѣли буряты на женщину, какъ мы видимъ, еще въ началѣ текущаго столѣтія, но современнымъ бурятамъ такой взглядъ кажется до такой степени дикимъ, что многіе изъ нихъ не вѣрятъ, что подобный § существуетъ въ ихъ степномъ положеніи.

Въ настоящее время мужъ, обладая формально правомъ требовать бѣжавшую жену три раза, на самомъ дѣлѣ рѣдко пользуется имъ. Въ большинствѣ случаевъ разводъ наступаетъ послѣ втораго или даже перваго побѣга жены. Обычай наказывать жену лозами за третій побѣгъ повсемѣстно вышелъ изъ употребленія, а отецъ

убѣжавшей жены можетъ откладывать возвращеніе калыма на много лѣтъ, если ему не удалось выдать дочь за другого. Нерѣдко этотъ калымъ такъ и пропадаетъ за отцомъ.

Когда жена оставляла мужа вслѣдствіе жестокаго его обращенія съ ней, поступали, какъ указано въ § 51, т. е. старались до трехъ разъ мирить супруговъ. Если жестокости мужа повторялись и жена убѣгала отъ него въ четвертый разъ, то обязательно наступалъ разводъ, причемъ виновникомъ несогласнаго житья считался мужъ, за что онъ лишался права требовать съ родныхъ жены обратно калымъ (§ 52).

Другое дѣло, когда мужъ почему-либо „возымѣлъ отвращеніе" къ женѣ, тогда онъ безъ всякихъ стѣсненій отсылалъ ее обратно къ родителямъ и этимъ актомъ расторгалъ брачный союзъ съ ней.

„Буде кто-либо оженится и отъ возымѣвшагося къ женѣ отвращенія или по другимъ какимъ-либо причинамъ, проводитъ ее обратно къ отцу и матери, то долженъ возвратить, если была, лошадь съ сѣдломъ, со всѣмъ приборомъ, изъ платья—лучшую одну шубу, одни уджи, одну шапку, унты и прочій уборъ, одного бурхана, и съ отца ея изъ числа отданнаго калыма ничего не требовать, при каковомъ случаѣ, если имѣются сыновья, должны остаться при отцѣ, а буде дѣти женскаго пола, то мать должна взять одну дочь любую, а прочія остаются при отцѣ же" (§ 49).

Поступаясь купленной женой и даннымъ за нее калымомъ, мужъ освобождалъ себя отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ ней. Мало того, прогнанная жена не имѣла никакого права на своихъ дѣтей, если они сыновья, а изъ дочерей она могла взять только одну—любимѣйшую.

Какъ ни жестокъ такой взглядъ на жену, онъ есть прямой и послѣдовательный выводъ изъ понятія о покупномъ бракѣ. Намъ только кажется страннымъ, почему прогнанная мужемъ жена можетъ

взять съ собою только часть своихъ вещей, когда §§ 57 и 58 того же степнаго положенія признаютъ за ней вполнѣ опредѣленное право на все приданое.

„Если мужъ съ женой жили въ согласіи и *съ согласія жены* продаетъ что-либо *изъ принадлежащаго ей имѣнія*, то жена, при случаѣ развода, требовать отъ мужа не должна" (§ 57).

„Если же, хотя и жили совѣстно, но безъ согласія жены мужъ продаетъ что-либо *изъ убора ея или имѣнія*, то при разлученіи мужъ повиненъ заплатить" (§ 58).

Если такъ, то прогнанная жена должна была-бы пользоваться правомъ забрать все свое приданое. Такую непослѣдовательность степнаго положенія 1823 г. можно приписать лишь тому, что оно составлялось бурятами въ переходный періодъ ихъ обычнаго права, благодаря чему въ сводѣ ихъ степныхъ законовъ встрѣчаются рядомъ постановленія, носящія весьма древній характеръ (§ 56), съ постановленіями, формулировавшими лишь едва нарождавшіяся, новыя юридическія воззрѣнія (§§ 57 и 58).

Современная практика внесла также поправку въ § 49, предоставляя прогоняемой женѣ право увезти съ собой все приданое до мелочей. У кударинскихъ бурятъ жена, которую мужъ гонитъ изъ дому, должна объ этомъ заявить при свидѣтеляхъ. Вслѣдъ затѣмъ къ ней пріѣзжаютъ ея родные съ какимъ-нибудь инородческимъ начальникомъ (родовымъ головой или старостой) и въ присутствіи послѣдняго забираютъ вмѣстѣ съ дочерью все, что ей принадлежало.

Эта поправка очень важна въ виду того громаднаго значенія, которое пріобрѣлъ у бурятъ Селенгинскаго округа институтъ приданаго.

Какъ извѣстно, этотъ институтъ совершенно исключается понятіемъ первобытнаго покупнаго брака. Съ одной стороны, послѣдній былъ простой покупкой права обладать женщиной, и родители долгое время продавали своихъ дочерей исключительно для извле-

ченія отъ нихъ такихъ же матеріальныхъ выгодъ, какъ и изъ другого имущества (въ это время не могло быть и рѣчи о приданомъ), - а съ другой стороны, право лица, покупавшаго женщину, было первоначально такъ абсолютно, что если женщина приносила съ собою что-либо, принесенное становилось ipso jure собственностью купившаго ее, какъ и она сама[1]).

Институтъ приданаго завоевываетъ себѣ мѣсто рядомъ съ покупнымъ бракомъ весьма медленно, постепенно лишь смягчая его и знаменуя собою эпоху развитія личныхъ и имущественныхъ правъ женщины. Какъ долго можетъ существовать этотъ институтъ, не достигая крайней цѣли, къ которой онъ стремится, видно изъ того, что у римлянъ, у которыхъ мы его застаемъ уже съ древнихъ временъ, женщина въ теченіи вѣковъ продолжала оставаться недѣеспособнымъ лицомъ, считаясь всегда подъ опекой или мужа, или своихъ родныхъ.

Бурятская женщина, какъ это видно изъ цитированныхъ нами §§, обладала уже ко времени составленія степныхъ законовъ 1823 г. имущественной правоспособностью. Признаніе за ея волей все большаго значенія, признаніе, выразившееся въ послѣднее время въ предоставленіи ей права выбирать по своимъ симпатіямъ мужа, еще больше содѣйствовало развитію ея имущественныхъ правъ, и подъ напоромъ двухъ факторовъ имущественной и личной правоспособности бурятской женщины покупной бракъ быстро разлагается. Калымъ теперь далеко не имѣетъ своего первоначальнаго смысла. Онъ не опредѣляетъ уже стоимости безличной рабы—женщины, а является скорѣе матеріальной помощью, оказываемой родными жениха роднымъ невѣсты для снаряженія ея приданаго. Часто весь калымъ

[1]) Von einer *dos* im eigentlichen Sinn, d. h. als einem besonderen Rechtsinstitut, konnte in der Zeit ausschliesslicher Manusehe keine Rede sein, denn da ging die Vermögenssphäre der Gattin in der Vermögensgewalt des Gatten unter. Kuntze, Cursus des Römischen Rechts, § 779.

уходитъ на это приданое, часто его даже не хватаетъ,—и въ этомъ именно возросшемъ значеніи приданаго лежитъ, по нашему мнѣнію, причина столь часто теперь наблюдаемаго снисходительнаго отношенія къ несостоятельности жениха или не внесенію имъ калыма полностью. Такой снисходительный взглядъ мы находимъ у многочисленныхъ бурятъ кударинскаго вѣдомства, арматскихъ[1]) тунгусовъ и закаменскихъ бурятъ. Еще болѣе знаменателенъ возникшій у бурятъ Цонголова, Ашебагатскаго и Чикойско-харанутскаго родовъ обычай вовсе не условливаться о калымѣ. Берутъ выкупа столько, сколько даютъ родные жениха, а они даютъ „по совѣсти и состоянію".

Такимъ образомъ женщина въ современной бурятской семьѣ является собственницей значительной части домашняго хозяйства, а именно принесеннаго ею большого приданаго, но кромѣ того, она можетъ, въ случаѣ развода по винѣ мужа, предъявить искъ и на ту часть имущества, которую она, какъ равноправная рабочая единица, пріобрѣла за время совмѣстной жизни съ мужемъ.

Для иллюстраціи этого интереснаго явленія приведемъ одинъ очень яркій случай изъ современной юридической практики инородцевъ. Случай имѣлъ мѣсто въ вѣдомствѣ Арматской инородной управы.

Мужъ, проживпій съ женой 19 лѣтъ, вздумалъ съ ней развестись потому, что у нея не было дѣтей. Обычное право открывало ему другой исходъ: съ согласія этой жены вступить въ новый бракъ[2]), но онъ предпочелъ отдѣлаться совсѣмъ отъ пожилой жены

[1]) Арматскіе тунгусы совершенно обурятились, такъ что во всемъ арматскомъ вѣдомствѣ нельзя найти ни одного тунгуса, знающаго даже счетъ по-тунгусски.

[2]) Многоженство до сихъ поръ допускается у бурятъ. Во времена Георги они могли имѣть сколько угодно женъ. Степное положеніе 1823 г. значительно ограничило этотъ обычай, разрѣшая одновременно имѣть не больше трехъ женъ. На второй, а затѣмъ и на третьей женѣ бурятъ могъ жениться лишь тогда, когда первая или первыя двѣ жены, или совсѣмъ не приносили дѣтей, или рождали однѣхъ дочерей. Во имя того, чтобы родъ не пресѣкся, чтобы огонь въ очагѣ не потухъ, а это считается величайшимъ несчастіемъ у бурятъ, степные законы разрѣшаютъ брать вторую жену и даже третью, но не иначе, какъ съ согласія первыхъ женъ.

и развелся съ нею. Тогда послѣдняя предъявила къ мужу искъ на половину всего его имущества. Свое право она мотивировала тѣмъ, что 19 лѣтъ работала съ мужемъ наравнѣ, что она уже стара и не можетъ надѣяться снова выйти замужъ. Дѣло это тянулось довольно долго. Родовое начальство затруднялось, какъ рѣшить споръ и отчасти держало сторону мужа. Но жена не падала духомъ, и искъ ея всходилъ даже на разсмотрѣніе пристава. Приставъ вернулъ дѣло обратно въ инородную управу, предписавъ ей разсудить мужа и жену по инородческимъ обычаямъ. Послѣ этого искъ жены разбирался общимъ собраніемъ родовыхъ старостъ и почетныхъ родовичей, которое признало претензію жены справедливой и обязало мужа выдѣлить ей половину всего ихъ имущества. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

Насъ приведенное постановленіе настолько заинтересовало новизной скрывающагося въ немъ принципа, что мы впослѣдствіи во многихъ мѣстахъ предлагали бурятамъ упомянутый случай на обсужденіе, и замѣчательно, что вездѣ споръ рѣшали въ пользу разведенной жены, признавая за ней неотъемлемое право на часть имущества мужа. Разногласіе обнаружилось только во взглядѣ, какая именно часть всего имущества должна быть выдѣлена женѣ, — кто останавливался на половинной части, а кто на третьей.

Резюмируя все вышесказанное, мы позволимъ себѣ установить нѣсколько общихъ положеній, а именно.

Покупной бракъ, господствовавшій у многихъ сибирскихъ инородцевъ въ эпоху завоеванія русскими Сибири, продолжаетъ существовать и понынѣ у бурятъ Селенгинскаго округа, только въ значительно измѣненной формѣ.

Покупному браку предшествовалъ у бурятъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ бракъ насильственнымъ похищеніемъ мужчиной жены изъ чужого племени, о чемъ свидѣтельствуетъ до сихъ

поръ еще сохранившійся у нихъ обрядъ насильственнаго увоза невѣсты изъ родительской юрты въ день свадьбы.

Степное положеніе 1823 г., заставъ юридическій бытъ селенгинскихъ бурятъ въ состояніи переходномъ, содержитъ одновременно слѣды очень древняго права, не успѣвшаго еще изгладиться къ тому времени, и зачатки новыхъ правовыхъ категорій, которымъ суждено было развиться лишь въ теченіи текущаго столѣтія.

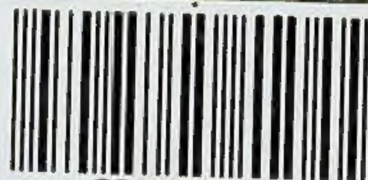
Выдвинувъ за послѣднее время два новыхъ могучихъ фактора личную и имущественную правоспособность женщины, обычное право бурятъ подорвало въ корнѣ покупной бракъ.

Признавъ необходимость согласія жениха и невѣсты при заключеніи брака и самостоятельное право жены на то, что она пріобрѣтаетъ, какъ равноправная работница во время совмѣстной жизни съ мужемъ; сохранивъ старинный обычай развода и избавивъ женщину отъ унизительнаго тѣлеснаго наказанія за уходъ отъ мужа,—современная юридическая практика бурятъ обнаруживаетъ тенденцію выработать брачное право болѣе справедливое и человѣчное, чѣмъ какое мы находимъ до сихъ поръ у многихъ цивилизованныхъ народовъ.

М. Кроль.

Продается въ книжномъ магазинѣ „Михайлова и Макушина" въ Иркутскѣ.

ЦѢНА 20 КОП.

2007097088